

Питер Уоттс

ПОСЛАНИЕ К ЯЗЫЧНИКАМ¹

Аз есмь десница Господня.

Даже в этом безбожном месте Его Дух наполняет меня. Он пробирает меня до костей, вливает силу десятка мужей в руку, где мог быть меч. Очищающее пламя срысывается с моих пальцев и обжигает спины беглецов-маловеров. Они порскнули из своей гнусной норы, как личинки — из расколотой внутренности прогнившего бревна. Свет повергает их в мучительные корчи, и мила им только тьма. Но даже если бы в месте, где живет Бог, мыслима была тьма — неужели и впрямь возомнили они, что Он слеп и не заметит оскверненного места Богопоклонничества, неужели вообразили, будто взору Его недоступна мерзкая нора, прорытая ими под истинным Его алтарем?

Теперь же почерневшие струпья их плоти сочатся кровью. Через мой фильтр пробивается слабый сладковатый запах горелой человечины. Струпья отслаиваются, точно чешуйки горящего пергамента, и взлетают на восходящих потоках воздуха. Какой-то язычник переваливается через край норы и падает к моим ногам. *Не смотрите им в лица*, поучают нас наставники. Но сегодня советы эти мне ни к чему. У этой мерзости *нет* лица. Вместо него — ком жареного мяса, перечеркнутый с одного конца пузырящейся трещиной. Трещина раскалывается — в ней абсурдно белые зубы. То ли вой, то ли плач. Рев пламени заглушает слова. Может быть, *пожалуйста*. Или *мама!*

Я бью его жезлом — ударяю сияющей рукояткой. Зубы раскатываются по комнате, как маленькие игральные кости из перевернутого стаканчика. На полу часовни уже корчатся и другие тела, оставляя за собой длинные кровавые полосы, точно следы слизи огромных личинок. Не думаю, чтобы прежде мне доводилось испытывать присутствие Господа в себе настолько полно. Аз есмь Саул, истребляющий амаликитян². Аз есмь Иисус Навин, избивающий аморреев³. Аз есмь Аса, изничтожающий эфиоплян⁴.

¹Все цитаты из Библии даются в русском синодальном переводе 1876 г., если не указано иначе.

²Эпизод с карательным походом царя Саула на амаликитян описан в Первой книге Царств: "Когда пришел Самуил к Саулу, то Саул сказал ему: благословен ты у Господа; я исполнил слово Господа. И сказал Самуил: а что это за бляние овец в ушах моих и мычание волов, которое я слышу? И сказал Саул: привели их от Амалика, так как народ пощадил лучших из овец и волов для жертвоприношения Господу Богу твоему; прочее же мы истребили. И сказал Самуил Саулу: подожди, я скажу тебе, что сказал мне Господь ночью. И сказал ему Саул: говори. И сказал Самуил: не малым ли ты был в глазах твоих, когда сделался главою колен Израилевых, и Господь помазал тебя царем над Израилем? И послал тебя Господь в путь, сказав: *иди и предай закланию нечестивых Амаликитян и войю против них, доколе не уничтожишь их.*" (1 Царств, 15:13-18).

³Этот эпизод описан в Книге Иисуса Навина, между прочим, в том самом месте, где Навин совершает свое знаменитое чудо с остановкой небесного движения Луны и Солнца: "Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Аморрея в руки Израилю, когда побил их в Гаваоне, и они побиты были пред лицом сынов Израилевых, и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: *стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день?*" (Нав. 10:12-13).

⁴Согласно библейским источникам, царь Аса правил в 908-867 гг. до н.э. Названное событие имело место на десятом году царствования Асы, когда в Иудею вторглись египтяне во главе с фараоном Осорконом I, этническим эфиопом. Во Второй книге Паралипоменон этот правитель назван Зараем Ефиоплянином: "И вышел на них Зарай Ефиоплянин с войском в тысячу тысяч и с тремя стами колесниц и дошел до Марешши. И выступил Аса против него, и построились к сражению на долине Цефата у Марешши. И воззвал Аса к Господу Богу своему, и сказал: Господи! не в Твоей ли силе помочь сильному или бессильному? помоги же нам, Господи Боже наш: ибо мы на Тебя уповаем и во имя Твое вышли мы против множества сего. Господи! Ты Бог наш: да не превозможет Тебя человек. И поразил Господь Ефиоплян пред лицом Асы и пред лицом Иуды, и побежали Ефиопляне. И преследовал их Аса и народ, бывший с ним, до Герара, и пали

До упора вдавив клавишу на жезле, я обметаю комнату огромными метелками огня. Любовью Господней я так переполнен, что готов и сам броситься в священный костер.

— Претор!

Исайя колотит меня по плечам. Его дикие выпученные глаза пялятся на меня, лицезрительное стекло искажает черты.

— Господин мой, они мертвы! Надо тушить пожар!

Я отмечаю присутствие моего отряда — словно бы в первый раз за долгие века. Префекты стоят по углам комнаты, вытянувшись в струнку, как я им и приказал, прикрывают выходы, и серебристая ткань их формы сверкает в отблесках огня. В руках у префектов не огнеметы, а огнетушители. Я удивлен. Как могут они утишать пламя? Как вообще можно почувствовать присутствие Святого Духа так полно и потом убивать Его пламя? Но даже во мне самом присутствие Его понемногу спадает, и, скатываясь с этой надмирной вершины, я понимаю, что угодное Господу дело здесь почти завершено. Язычники мертвы. От них не осталось ничего, кроме кучи горелых потрохов на полу. Их богомерзкое убежище очищено. Алтарь, под которым оно некогда было укрыто, валяется там, куда я его небрежно отшвырнул пинком... когда? Несколько минут назад? С тех пор миновала целая вечность.

— Господин?!

Я киваю. Исайя командует префектам; те выступают вперед и заливают часовню огнеподавателем. Пламя исчезает. Вокруг становится тускло-серо. Скрюченные недокремированные тела при попадании химикатов испускают густые шипящие клубы влажного пара.

Исайя смотрит на меня, прищуриваясь в дыму. Мы точно в бане.

— С вами все в порядке, господин мой?

В его голосе внезапно слышится такое же влажное шипение. Фильтр респиратора необходимо заменить.

Я киваю.

— Дух Господень снизошел так... так...

Я не нахожу слов, чтобы продолжить.

— Я... никогда не ощущал Его в такой мощи.

Под маской он вроде бы поднимает бровь.

— Вы... я хотел сказать, вы *уверены*?

Я облегченно смеюсь.

— *Уверен* ли я? Да я себя чувствую так, будто стал Траяном!

Исайе явно не по себе от моего поминания Траянова имени. Его и похоронили только вчера. Но я не хотел выказать неуважение — напротив, сегодня я творил волю Господню в память о покойном. Я так и вижу его стоящим одесную Господа, вижу, как он смотрит вниз на землю, прозревает эту наполненную паром скотобойню, и довольно кивает. У ног моих остывают тела тех самых еретиков, что убили его. Я вижу, как Траян оборачивает лицо свое к Господу и указывает Ему на мерзкого червяка, который нанес смертельную рану.

Господь рце: *Мне отмщение, и Аз воздам*⁵.

Изгой, съездившись, копошится у дальнего конца Иосифовой платформы, ломится через барьер в тщетной попытке припасть к магнитному левитатору трамвая. Его поступок лишен всякого смысла и жалок. Генераторы экранированы. А даже если б это

Ефиопляне, так что у них никого [не осталось] в живых, потому что они поражены были пред Господом и пред воинством Его." (2 Пар. 14:9-13).

⁵Второзаконие 32:35.

было и не так... Дух дышит, где хочет⁶. Я никогда не устану удивляться, как это людям не под силу осознать такое простое различие: если аккуратно промодулированные электромагнитные поля открывают нам путь к слиянию с Божественным, отсюда еще не следует, что *любая* комбинация катушек и источников энергии есть источник Откровения. Тем не менее именно таков их вывод.

Но ведь поля, которыми движимы сии колесницы, сильно отличаются от полей, благословляющих нас Вознесением. Даже если б этому заблудшему созданию посчастливилось добиться желаемого, и каким-то извращенным чудом экраны трамвайных обмоток исчезли, изгой не испытал бы ничего, кроме головокружения и тошноты. Это в лучшем случае. В худшем же — и в наши дни это происходит куда чаще, чем можно было бы ожидать — им бы овладели бесы.

Я видел бесноватых. Я говорил с демонами, что в них обитают. Изгой куда счастливее, чем себя мнит.

Я захожу в трамвай. Дух бесшумно устремляет его вперед. Чудесным образом он заключен внутри дорожных сетей и все же никогда не касается их. Платформа ускользает из виду; отверженный успеваает поймать мой взгляд, прежде чем расстояние разделяет нас. На его лице нет стыда и ужаса. Только тупая, бессловесная ярость.

Наверное, дело тут в моем облачении. Кто-то вроде меня арестовал его, отказал в милосердной казни и выбросил тело в мир отдельно от исходной души.

Парочка гражданских рядом со мной тычет в тощую фигурку пальцами и хихикает. Я бросаю на них взгляд. Они замечают мои инсигнии, мой парализатор в поясной кобуре — и умолкают. Ничего смешного в поведении отчаявшегося изгоя нет. Оно достойно жалости. Оно неэффективно и иррационально. А как бы вел себя любой из нас на его месте, отрезанный от Благодати? Если бы любая соломинка, за которую мы могли бы хватиться в надеждах на спасение, заведомо оказывалась слишком тонкой?

Присутствие Господа придает всему окончательность. Вся Вселенная обретает по тайной доселе смысл, будто внезапно разгаданная детская головоломка. Мысленный взор проникает в Вечность; диву даешься, как могли точно подогнанные друг к другу Его волей фрагменты мозаики мироздания так озадачивать тебя. В следующий миг смысл этот от меня уже ускользает. Остается лишь неопишуемая память о том, каково это было — *понимать*, в совершенстве и абсолютно точно, Его замыслы. Даже спустя много часов воспоминания эти кажутся мне реальными. И даже более реальными, чем тогда.

Трамвай плавно скользит на следующую станцию. Новостная лента, которой опоясана площадь, воспроизводит закольцованный ролик погребальной церемонии Траяна. Мне все еще сложно поверить, что он погиб. Траян достиг такого глубокого слияния с Духом, что мы втайне полагали его неуязвимым. Святотатственно было допустить, что какая-то *машина*, построенная на Украине, способна одолеть его. И, однако же, это случилось.

Здесь он упокоится. Блаженный перед Богом и Человеком, герой элиты и черни, простодуш, пролетевший путь от префекта до генерала меньше чем за декаду. Убит — чем? непристойной комбинацией рычагов и шестерен, поражен пулями и снарядами смрадного газа. Его умиротворенное лицо заполняет ленту. Врачам удалось стереть с него все знаки той штуковины, что его и убила, оставленные же ими отметины скорее почетны — чтобы помнили. Похожая на раннюю морщину складка через весь лоб до скулы — в двадцатипятилетнем возрасте он почти ослеп от удара кинжалом. Густая сетка шрамов покрывает одно плечо под туникой: в Эссенское Восстание его хлестну-

---

⁶Евангелие от Иоанна, 3:8.

ли шокером, еще счастливо отделался. Рубец в виде полумесяца на правом виске — о причине его появления я должен бы знать, но не припомню.

Изображение пропадает, лицо Траяна растворяется в бесконечной толпе скорбящих, а трамвай вновь приходит в движение. Я его едва знал. Я встречался с ним несколько раз по делам сената, где и подавно ни на кого не мог произвести впечатления. Зато он меня немало впечатлил. Он всех впечатлял. Его присутствие заполняло любое пространство, не оставляя места ни для чего больше. В тот момент, когда мы с ним первый раз встретились, я подумал: *Се человек, недоступный сомнениям.*

Тогда меня подчас еще обуревали сомнения.

Не о природе Господней мощи или Благодати, разумеется. Лишь — и то очень редко — о том, действительно ли мы творим Его волю. Я мог бы бездумно истреблять врагов — но видел в них людей, а не святотатцев. Не затаившихся предателей, а детей. Модно было бы сослаться на слова нашего Спасителя: разве не Сам Христос рек — *Не мир пришел Я принести, но меч*⁷? И разве не крестил Святой Константин своих солдат под угрозой оружия⁸? Мне ведомы Писания, я их еще в яслях выучил. Но все же бывали у меня моменты, когда (Господи, помоги!) я не мог в них узреть ничего — одни слова, и тогда у врагов появлялись *лица*.

Никто не слеп так, как тот, кто не желает видеть.

Но те дни миновали. Ныне — в прошедший месяц — Дух пылает во мне ярче, чем когда бы то ни было. А этим утром — о, этим утром он разгорелся еще ярче. В память о Траяне.

Я выхожу из трамвая на своей обычной остановке. Платформа почти пуста, на ней только пара стражников. Впрочем, они никого не охраняют. Они выдвигаются мне навстречу. Их сапоги отбивают заученный ритм — мелодию тех, кто облечен властью, — по плитам пола. У них инсигнии Священства.

Они заступают мне дорогу. Я исследую их лица. Память о сошествии Духа Господня блекнет. Ей на смену уже поспешает дурное предчувствие.

— Простите за столь настойчивое вмешательство, претор, — говорит один из них, — но вам придется пройти с нами.

Да, они уверены, что взяли именно того человека. Нет, никакой ошибки. Нет, это безотлагательно. Им очень жаль, но таковы распоряжения епископа, и они просто выполняют их в точности. Нет, они не знают, по какому поводу.

В этом они точно солгали. Не так уж и тяжело догадаться. Обращение с соратниками и заключенными при нашей власти очень разнится. Я — не соратник. По крайней мере, оков на меня не надели. Я не арестован. Требуется мое присутствие в храме, но никаких конкретных обвинений мне предъявлять не стали.

Последнее обстоятельство обескураживает всего сильнее. Если бы меня в чем-то обвинили, тем самым мне бы предоставилась возможность откреститься от обвинений.

Их машина мчится по Константинополю, перескакивая с линии на линию со щелкающим гулом. Я стою впереди, между панелью управления и носом экипажа. Мои конвоиры — чуть сзади. В таком расположении мне видится еще одно невысказанное обвинение. Мне не отдали прямого приказа смотреть вперед и только вперед. Но, если

⁷Евангелие от Матфея, 10:34.

⁸В нашем варианте реальности этого не произошло. Хотя в 312 г. император Константин I действительно стал сторонником христианства, формально он не крестился до смертного часа, а многие его генералы и нотабли продолжали исповедовать традиционные верования. Впрочем, язычников при строительстве Константинополя облагали драконовскими налогами, что побудило многих представителей знати принять новую веру между 324 и 335 гг.

бы я поглядел им в лица — если бы я *заявил свое право* на то, чтоб оглянуться, — как скоро на плечо мне ненавязчиво легла бы сильная рука и развернула обратно вперед?

— Эта дорога ведет не ко храму, — говорю я через плечо.

— На Оригена движение остановлено до самой Августина. После похорон надо убрать-ся.

Новая ложь. Мои друзья сопровождали похоронную процессию по Августина не далее как два дня назад. Никто не препятствовал нам, и стражники должны бы это знать. Хотя они и не пытаются меня убедить. Напротив, они демонстрируют, насколько я им безразличен — что даже правдоподобную легенду сочинять лень.

Я оборачиваюсь, чтобы открыто заявить об этом, но меня опережают:

— Претор, я вынужден попросить вас снять шлем.

— Вы, верно, шутите!

— Никоим образом. Епископ высказался вполне определенно.

Чувствуя себя полным болваном и все еще не до конца осознавая происходящее, я расстегиваю крепежные ремешки на подбородке и снимаю прибор с головы. Я пытаюсь было спрятать его под мышку, но стражник замечает это и отбирает шлем.

— Это безумие, — протестую я. Без шлема я глух и слеп, как любой язычник. — Я не совершил ничего дурного. На каком основании вы...

Стражник у рулевого колеса переводит нас на новую линию. Другой кладет руку мне на плечо и плавно разворачивает.

Площадь Голгофа. Ну разумеется.

Здесь безбожники находят свою смерть. Много ли я потерял, сняв шлем в этом месте, вопрос спорный. Здесь никто не чувствует Господа. Наш экипаж бесшумно скользит меж рядов еретиков и одержимых — те распяты на крестах, у всех глаза закатились под лоб, струйки крови стекают от пик, пробивших запястья. Некоторые висят здесь как бы не со дня смерти Траяна. Даже без анестетиков смерть на кресте занимала несколько дней, а мы с тех пор помягчили нравами. Даже приговоренным к смертной казни излишние страдания ни к чему.

Старый, как мир, трюк. Многих узников стоило только провести меж этих рядов, как на параде, и они тут же соглашались сотрудничать со следствием, не побывав еще ни на одном допросе. Что, эта парочка воображает, будто я ничего не понимаю? Они не знают, что я *сам* применял этот фокус? Столько раз, что сбился со счета?

Иные распятые кричат при нашем появлении — не от боли, но вторя голосам бесов у себя в голове. Они продолжают проповедовать. Даже сейчас они рассчитывают кого-то сманить на путь безбожия. Неудивительно, что Святая Церковь понатыкала тут глушилок. О чем бы подумал обычный прихожанин, ощутив Божественное Присутствие при святотатственных речах?

Но вот что странно: я *почти* чувствую Его. Это кажется невозможным. Это было бы невозможно, даже не отними у меня стражники мой шлем. И тем не менее Он здесь. Струйка Божественной Благодати, подобная солнечному проблеску среди урагана, сочится ко мне. Она не овладевает мною сполна; присутствие Господа не накрывает меня с головой, как бывало прежде. Все же мне сразу становится легче. Поистине, Он везде. Он являет Себя даже здесь. Не в нашей власти оградиться от Него глушилками, во всяком случае не в большей степени, чем погасить солнце, плотно затворив окно.

Вот что говорит мне Бог:

Будь сильным. Я с тобой.

Ужас тут же отступает, точно схлынула приливная волна. Я оборачиваюсь к своим конвоирам и улыбаюсь им.

Господь и с ними тоже. Жаль, что они этого не поняли.

Может, еще поймут? Не похоже. Но что-то меняется в их лицах, пока они смотрят на меня. На сей раз, когда я оборачиваюсь, на них читается не только угрюмое терпение и нежелание вдаваться в подробности.

Теперь — но отчего? — на них, кажется, написан страх.

Они доставляют меня в храм, но к епископу не ведут. Для начала меня пропускают через световой туннель. Они сообщают, что это рутинная процедура. Впрочем, я проходил через него лишь четыре месяца назад и еще восемь не должен был подвергаться проверке.

Облачение мне, однако, не вернули. Вместо этого меня эскортируют в епископский санктуарий. Туда можно попасть через богато изукрашенные двери, на которых изображено явление Господа Константину и пылающий крест. *In hoc signo vinces*. Сим победиши.

Они оставляют меня в одиночестве, но процедура мне хорошо знакома, и я знаю, что стражники ждут снаружи.

В санктуарии сумрак. Окон нет. Бархатные драпировки, кушетки, мебель красного дерева — очень уютно. На одной из экраностен высвечивается последовательность волюметрических графиков. Каждая держится несколько мгновений, прежде чем с гипнотизирующей неспешностью смениться следующей: синайские скрижали; Пролин, возглашающий буллу против индусов; сам Священный Грот, где Господь показал Моисею Неопалимую Купину, где Он указал всем нам путь Его Духа.

— Представь, что мы бы всего этого никогда не нашли.

Я оборачиваюсь. Епископ стоит рядом со мной, точно материализовавшись из пустоты. У него в руках большой конверт цвета слоновой кости. Он дарит мне мимолетный намек на улыбку.

— Да, учитель? — говорю я.

— Вообрази, что Константину не было явлено видение. Что Евсевий⁹ не посылал экспедиции на Синай. Что Грот так и не переоткрыли после Моисея. Никакой тысячелетней преемственности, никакого технологического возрождения. Еще одна непроверяемая легенда о пророке, которого в горах одолевали галлюцинации. Десять данных ему заповедей нечем было бы претворить в жизнь. А мы стали бы ничем не лучше язычников.

Он указывает мне кресло. Оно декадентского стиля, роскошное, вычурное, обивка цвета вина. Мне не хочется в него садиться, но и выказывать неповиновение — тоже. Я ограничиваюсь тем, что осторожно присаживаюсь на самый край.

Епископ остается стоять.

— Я там был, как ты знаешь, — продолжает он. — В самом сердце Грота. Я стоял коленопреклоненный в месте, где, должно быть, пал на колени Сам Моисей.

Он ожидает моего ответа. Я прочищаю горло.

— Наверное, это... неопишимо.

— Нет. — Он пожимает плечами. — Должен сказать, что на утренних поклонениях ты, вероятно, ближе к Господу, чем в том месте. Там это ощущение... оно, в конце концов, просто неочищенное. Необогатенные руды. Достоин восхищения, что естественный выход горных пород вообще способен индуцировать в человеке религиозные чувства. Особенно с учетом его базовой культуры. И тем не менее эффект слабее, чем ты мог бы ожидать. Он... переоценен.

---

⁹Либо Евсевий Никомедийский (?–341), архиепископ Константинополя при императоре Константине, сторонник арианства, либо его современник и друг Евсевий Кесарийский (263?–340), историк церкви и биограф Константина.

Сглотнув слюну, я решаю, что лучше держать язык за зубами.

— Конечно же, ты мог бы высказать аналогичное утверждение и применительно к религиозным переживаниям как таковым, — продолжает он, насмешливо подражая святотатцам. — Просто электрический импульс в лобной доле, и нет в этом ничего более *божественного*, чем в силе, что движет стрелку компаса или привлекает железные опилки к магниту.

Я вспоминаю, когда в первый раз слышал такие слова. В самом конце детства, перед первым причастием.

Это всего лишь фокус, говорили они. Как статические помехи в радиоприемнике. Они возмущают те части твоего мозга, что ответственны за отслеживание границ личности, те, что определяют, где заканчиваешься Ты и начинаются Другие. И когда эти части приходят в смятение, мозгу кажется, что Ты простираешься в бесконечность, что Ты и твои творения суть одно. Этот фокус вынуждает тебя поверить, что ты в истинном присутствии Божием.

Они показали нам изображение мозга, подобного большой сморщенной черносливине, заключенной в туманные контуры черепа, понатыкали там стрелочек и ярлычков, указывающих на участки коры, ответственные за то и сё. Они разобрали молитвенные шапочки и железы, продемонстрировали начинку — крохотные магниты и соленоиды, мудреные приборы, обратившие к истинной вере целую расу.

Не все из нас поняли, к чему они клонят. Когда ты ребенок, *электромагнит* — лишь иное название для *чуда*. Но они были настойчивы, повторяя свои наставления в словах, понятных юным умам, пока мы не ухватили главное: мы ничто иное, как плотские машины, а Бог — отклонение в работе этих машин.

А потом они водрузили нам на головы молитвенные шапочки и открыли нас Духу Господню. И мы поняли — места для сомнений не осталось. Господь существует в действительности. Переживание устраняло все прения, затмевало логику. Споров больше не могло быть. Мы *знали*. А все остальное — просто слова.

Вспомните, сказали они нам напоследок. Когда язычники станут убеждать вас теми же словами, что Господа не существует, вспомните этот миг.

Не могу поверить, что епископ играет со мной в те же игры. Если он надо мной подшучивает, это дурновкусие. Если он испытывает мои убеждения, то проверка эта смехотворно поверхностная. Итак, мое присутствие здесь остается необъясненным.

Но вот он нарушает тишину.

— Разве ты не согласен? — настаивает он, добиваясь ответа.

Я осторожно подбираю слова.

— Меня учили, что Дух Господень обитает в железных опилках и стрелках компаса, равно как в наших сердцах и разумах. Это не умаляет его Божественности. — Я позволяю себе перевести дыхание. — Не стремлюсь вас оскорбить, учитель, но все же — зачем я здесь?

Он бросает взгляд на свой конверт.

— Я пожелал обсудить с тобой твою недавнюю... исключительную эффективность.

Я жду. Меня это не трогает. В обращении стражников со мной не было ничего, что подобало бы обращению с *исключительно эффективным* воином Господа.

— Тебе ведомо, — продолжает он, — на чем зиждется наше превосходство. Мы одолеваем язычников не технологией, какую дарует нам Дух Господень, а *уверенностью в себе*. Мы *знаем* своего Бога. Он эмпиричен. Его можно исследовать и тестировать. У нас нет сомнений. У *тебя* нет сомнений. Вот почему мы неостановимы уже тысячу лет. Вот почему ни шпионы Окраины, ни летающие машины язычников, ни даже океанская ширь не удержат нас от окончательной победы.

Это слова не из тех, какие собеседнику требуется подтверждать.

— Ты только представь, что значит *верить*. — Епископ качает головой с какой-то грустью. — Вообрази сомнения, неуверенность, разочарование, мучительные попытки разобраться, чьи мечты от Бога, а чьи — святотатственны. Иногда я жалею язычников. Как это ужасно — полагаться на *веру*. И тем не менее они за нее цепляются. Они пробираются в наши города, одеваются в наши одежды, рыщут меж нами, они *ограждают* себя от самого присутствия Господа. — Он вздыхает. — Должен признать, я не вполне понимаю их мотивы.

— У них есть курения из травок и грибов, — сообщаю я. — Они утверждают, что это зелье дарует им единение с их собственным *богом*.

Епископ хмыкает. Не сомневаюсь, что он это уже знал.

— Хотелось бы мне взглянуть, как это их *грибы* приведут в движение монорельс. А хотя бы и развернут стрелку компаса в нужном направлении. И все же, окруженные свидетельствами мощи Господней, они продолжают отречься от нее. Это немногим известно, однако у нас есть сведения о том, что им удастся эффективно экранировать целые комнаты. И даже виллы. — Он тянется к своему конверту и вскрывает его движением острого длинного ногтя. — Как та часовня, которую ты очистил от неверных этим утром, мой претор. Она была вся заэкранирована. И Дух не мог явить себя там.

Я качаю головой.

— Но вы ошибаетесь, учитель. Я никогда не ощущал в себе Духа так сильно, как...

Мрачные лица стражников. Путь через площадь Голгофы. Необъяснимый просверк солнечного света. Все становится на свои места.

Во рту разверзается бездна, куда уходят все слова.

Епископ извлекает из конверта тонкий лист пленки. На нем отображено мое прохождение сквозь световой туннель.

— Ты одержим, — сообщает он.

Нет. Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

Он показывает мне снимок. Призрачное, полупрозрачное изображение моего черепа, окрашенное серым и зеленым. Бес явственно виден. Он угнездился у меня в голове. Маленькое пятно тьмы сразу над правым ухом. Отличное местечко, чтобы нашептывать ложь и проповедовать ересь.

Я безоружен. Я под арестом. Я даже не смогу выйти отсюда свободным. Стражники оцепили комнату, незримые ловушки расставлены в дальних темных углах комнаты. Не успею я поднять руку на епископа, как меня убьют.

Но я уже мертв. Я одержим.

— Нет, — шепчу я.

— Аз есмь Путь, Истина и Свет, — цитирует епископ. — Никто не приходит к Отцу, как только через Меня¹⁰. — Он тычет указательным пальцем в пятнышко на снимке. — А *это* — оно тоже от Христа? И от Его Церкви? Как иначе оно могло бы явить себя?

Я туго мотаю головой. Я не могу поверить, что это происходит на самом деле. Не могу поверить в то, что вижу. Я ведь сегодня чувствовал Духа в себе. Я *почувствовал* Его. Я уверен в этом так прочно, как ни в чем ином.

А чьи это мысли? Кто их думает? Разве это не бес нашептывает мне их?

— Такое впечатление, что с каждым днем их становится все больше, — грустно отмечает епископ. — И они ведь не ограничиваются порабощением души. Они убивают и

¹⁰Евангелие от Иоанна, 14:6. Во всех современных переводах Библии стоит "аз есмь путь, истина и жизнь". Очевидно, процитированное епископом место в Евангелии от Иоанна отличается от известного в нашей реальности. Скорее всего, на мировой линии, изображаемой Уоттсом, канонические тексты христианской церкви испытали значительное влияние гностицизма.

тело.

Он хочет сказать, что бесы вынуждают *Церковь* убить тело. Церковь намерена убить меня.

Но тут епископ качает головой, словно прочтя мои мысли.

— Я говорю в буквальном смысле слова, претор. Бес заберет твою жизнь. Не сразу — если ты найдешь в себе силы какое-то время сопротивляться фальшивому откровению. Но потом на тебя накатит боль, и разум померкнет. Ты изменишься. Даже твои близкие и любимые не узнают тебя по делам твоим. Скорее всего, под конец ты станешь подобен младенцу, что пускает пузыри, мочится и испражняется под себя. Не исключено также, что боль просто станет невыносимой. Как бы там ни было, ты умрешь.

— Как... долго?

— Несколько дней, несколько недель... Я знавал одну несчастную, которая промучилась в бесовских тенетах почти год, прежде чем обрела спасение.

Спасение.

Как те еретики с Голгофы.

Но ведь, нашептывает слабый голосок, даже несколько дней в Его Присутствии стоят целой жизни...

Я прижимаю руку к виску. Бес сидит там. Вещает из влажного мрака, отделенный от меня лишь сводом черепа. Я гляжу на пол.

— Не может быть.

— Да. Но совсем *не обязательно*.

До меня не сразу доходит, что он сказал. Я поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом.

Он улыбается.

— Есть и другой путь, — говорит он. — Да, обычно тело должно погибнуть ради спасения души — распятие еще милосердная участь по сравнению с тем, что обыкновенно ожидает бесноватых. Но есть альтернатива. Для тех, кто наделен... большими способностями. Я не хотел бы тебя обманывать, претор. Это рискованно. Но известны случаи успеха.

— Аль... альтернатива?

— Мы можем попытаться изгнать беса. Мы можем попробовать *изъять* его из твоей головы. Физически. Если это сработает, мы спасем твое тело и одновременно вернем тебя в присутствие Господа.

— Если сработает.

— Ты солдат. Тебе ведомо, что смерть всегда остается лишь одной из доступных возможностей. Здесь заложен риск. Как и в сути всех вещей. — Он коротко, обдуманно вздыхает. — На кресте же смерть — единственная возможность.

Бес, засевший у меня в голове, не согласен с ним. Он не нашептывает мне богохульные слова, не убивает ими всякую надежду на успех процедуры изгнания. Он просто открывает мне путь на Небеса с черного хода. Мою душу захлестывает Благодать.

Он указывает мне Истину.

Я *знаю*, как знал в яслях и знал этим утром. Я в присутствии Господа. Если епископ не в состоянии узреть Его, тем хуже для этого гнусного шарлатана. Если это еще достойное для него определение.

Я бы с радостью пошел на крест, если бы знал, что это мгновение повторится.

Я улыбаюсь ему и качаю головой.

— Ты что, думаешь, я *слеп*? А, епископ? Ты обернул свои мерзкие интрижки в слова Писания и надеешься, что я не увижу им истинной цены? — А я их *теперь* вижу, окутанный сиянием Божественной Благодати. Конечно же, фарисеи с радостью заточили

бы Господа в талисманы и безделушки, если б могли Его связать. Они бы открывали к Нему доступ поворотом краника, на который бы только они наложили свои алчные лапы. А тех, с кем Он говорит без их позволения, объявили бы... *одержимыми*.

Несомненно, я одержим. Но природа этой одержимости не бесовская. Мной овладел Всемогущий Господь¹¹. И уж конечно, ни Он, ни Сыновья Его — не раки-отшельники, которым дозволено найти приют в тени идолиц и потрохах машинерии.

— Скажи мне, епископ, — ору я, — разве на Савле была твоя *молитвенная шапочка* по дороге в Дамаск¹²? Разве Елисей призывал медведей¹³, вооружившись твоим жезлом? Что, *они тоже* были одержимы? Так выходит?

Он качает головой, притворяясь огорченным.

— Это не претор говорит твоими устами.

Он прав. Господь говорит через меня, как это уже бывало с великими пророками древности. Аз есмь Глас Божий. И пусть я безоружен, пускай с меня содраны доспехи... все это неважно. Я в сатанинской темнице — пусть! Я вздыму десницу, и Господь повергнет сих святотатцев по слову моему.

Я вздымаю сжатый кулак. Во мне пятьдесят локтей росту¹⁴. Епископ мелкой мошкой копошится у ног моих. В его руке одна из этих нелепых машинок.

— Сгинь, сатана! — кричим мы в один голос, и нисходит мрак.

Я просыпаюсь в тенетах. Крепкие ремни приковывают меня к постели. Левая сторона лица вся обожжена. В поле зрения возникают улыбчивые врачи. Они говорят мне, что все в порядке. Кто-то подносит зеркало. С правой стороны голова обрита. Незъяснимо знакомый кровотокающий полумесяц на виске. Черные нити скрепляют мою плоть, как диковинный предмет облачения. Кажется, что из меня выдрали изрядный кусок и тщательно заделали образовавшуюся дыру.

Они говорят, что изгнание прошло успешно. Через месяц мне позволят вернуться к прежним обязанностям. Узы — простая мера предосторожности. Вскоре меня освободят, поскольку бес уже изгнан.

— Я хочу узреть Бога, — каркаю я. В горле сухо, как в пустыне.

Они касаются головы молитвенным жезлом. Ничего не происходит.

Я *ничего* не чувствую.

Жезл настроен и исправен. Батарейки полностью заряжены. Ничего страшного, утешают меня. Временные последствия изгнания. Нужно время. Пока что лучше оставить меня прикованным, но волноваться, поистине, не о чем.

¹¹Здесь и позднее в романе *Ложная слепота* Уоттс обыгрывает фрагмент из Первой книги Царств, который в использованном им переводе звучит так: "Господь овладеет тобой; станешь плясать и бесноваться, и сделаешься другим человеком" (1 Царств 10:6). Этот вариант перевода не встречается больше ни в одном англоязычном (и, естественно, русском) переводе Библии. Очевидно, таким образом подчеркивается альтернативно-историческая природа происходящего.

¹²Эпизод обращения апостола Павла, урожденного Савла, в христианство описан в Деяниях апостолов: "Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь [сказал] ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать" (Деян. 9:3-6).

¹³Этот случай с пророком Елисеем описан в Четвертой книге Царств. В русском синодальном переводе Библии стоит "медведиц": "И пошел он оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка." (4 Царств 2:23-24).

¹⁴Около 23 м.

Конечно же, они правы. Я жил в присутствии Духа. Мне ведома сила Всемогущего Господа. В конечном счете, разве не все мы сотворены по Его образу и подобию? Господь не оставит даже наименее счастливого своего раба в беде. Мне не надо себя в этом убеждать, я просто *знаю*. Отец, ты не оставишь меня.

Он вернется. Он обязательно вернется.

Они просят меня потерпеть. Через три дня мне удастся добиться у них неохотного признания, что такие случаи уже бывали. Не слишком часто. Это редкая процедура, а такие вот побочные эффекты встречаются еще реже. Возможно, что бес успел повредить часть моего мозга, которая ответственна за восприятие Господа. Врачи сыплют медицинскими терминами, которые ничего для меня не значат. Я спрашиваю, как было с другими несчастными, которым довелось преодолеть путь сей. Как долго *они* возвращались к Господу? Но представляется очевидным, что твердых, наперед установленных правил тут нет. Общепринятых моделей нет тоже.

У моей кровати на экраностене горит Траян. Горит весь день напролет и не сгорает, как Неопалимая Купина. Те, кому доверен уход за мной, закольцевали запись его кремации. Тонкая неразрывная полоса изображений растянута по стене. Я подозреваю, что так они надеялись взбодрить меня. На этих записях всегда закат: солнце только-только село. Погребальный костер Траяна на миг озаряет площадь светом полудня, оранжевое сияние отпечатывается на десяти тысячах обращенных к небесам лиц.

Он ныне с Богом. Навеки в Его присутствии. Некоторые утверждают, что это случилось еще до его смерти, что вся жизнь Траяна протекала в слиянии с Духом. Я не знаю, сколько правды в этих словах. Может быть, людям просто трудно найти иное объяснение его мученичеству и фанатичному рвению.

Целая жизнь в присутствии Бога. Я бы сейчас отдал жизнь за то, чтобы почувствовать Его хоть на минуту.

Мы на неисследованной территории, говорят мне. Ну что ж, может, они и там.

А я в аду.

Наконец они признаются, что никто не выздоровел после изгнания. Они все время мне лгали. Я отвержен. Я изгнан во тьму. Отрезан от Бога. И они еще смеют выкатать, что операция прошла *успешно*. Мясники.

— Это испытание твоей веры, — говорят они.

Вера.

Я цепляюсь за слово, как рыбка за наживку. Это из Послания к язычникам. К людям, которые сами себе делают богов. Крест был бы стократ лучше. Я бы убил этих мерзких мясников голыми руками. Но мои руки скованы.

— Убейте меня, — прошу я.

Они отвечают отказом. Епископ приказал спасти меня и выходить.

— Тогда попросите епископа, — говорю я. — Дайте мне встретиться с ним. Пожалуйста!

Они с тоской усмеваются и разводят руками.

Нельзя ни о чем *попросить* епископа.

И это еще одна ложь. Может статься, епископ забыл о моем существовании. Или этим людям просто нравится наблюдать за мучениями невинной жертвы. Если б это было не так, разве посвятили бы они свои жизни составлению зелий и кровопусканиям?

Я просыпаюсь в ночи от безумной колющей боли. Пораженная кожа понемногу восстанавливается, нарастает по краям стянутой нитками раны. Я пытаюсь вспомнить, где я видел такую рану прежде, и не могу.

Я осыпаю проклятиями епископа. Он предупредил меня, что процедура рискованная. Но упомянул только о смерти. Смерть нельзя причислять к рискованным исходам. Она была бы для меня благословением.

Я отказываюсь от еды уже четыре дня. Мне в нос вставили трубку и вливают через нее питательный раствор.

Как странно. Надежды нет, я никогда не сподоблюсь узреть Господа. Мне отказано даже в прекращении мук. И все же одним своим отказом даровать мне смерть мясники разожгли во мне трепетную искру жизни. Это за *их* грехи я ныне страдаю. Мрак, затопивший меня, принесли *они*. Я не отвержен от Господа. Нет, это *они* похитили Его у меня, вырезали из меня, как пораженную гангреной плоть. Вполне возможно, что они хотели не спасти меня — ведь жизни без Бога нет, — а ввергнуть в бесконечные *мытарства*.

Когда я осознаю этот факт, меня обуревают внезапное желание провести их. Обмануть, отказать в таком удовольствии.

Они не дадут мне умереть. Но, как знать, может, они еще пожалеют, что не дали. Да покарает их Господь.

Да покарает их *Господь*. Да, конечно же!

Я дурак. Я и забыл, что значимо, а что незначительно. Меня так оболгали эти мнимые пытки, что я упустил из виду простейшее обстоятельство: Господь никогда не отворачивается от детей Своих. Господь не оставит Своего.

Но *испытывать* их Он может. Он все время нас испытывает. Разве не отнял Он у Иова все его богатства и не поверг его ползать на коленях в пыли¹⁵? Разве не приказал Он Аврааму пожертвовать Себе единственного сына¹⁶? Разве не вернул Он все отнятое, как только те доказали, что достойны были таких испытаний?

Бог вознаграждает праведников. Христос рек: *Блаженны не видевшие и уверовавшие*¹⁷. Теперь я, по крайней мере, понимаю, что *вера* не всегда отвратительна Господу, как я некогда мнил. Тем, кто отрезан от Истины, вера дарует мощь.

Я не отринут. Меня лишь *испытывают*.

Я велю послать за епископом, потому что откуда-то знаю: в этот раз он не замедлит явиться.

Он приходит.

— Они сказали, что я потерял присутствие Духа, — говорю я. — Они ошибались.

Он видит что-то в моем лице. Что-то меняется в его собственном.

— Моисей не сподобился ступить на землю обетованную, — продолжаю я. — Константин узрел пылающий крест лишь дважды в жизни¹⁸. Тарсянину Савлу Господь вещал лишь единожды. Разве от этого *они* потеряли веру?

¹⁵Об этом специально рассказано в книге Иова, части Ветхого Завета.

¹⁶История с мнимым жертвоприношением Исаака описана в книге Бытие: "И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. (...) И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня." (Быт. 22:1-2, 9-12).

¹⁷Евангелие от Иоанна, 20:29. Слова, сказанные апостолу Фоме.

¹⁸В нашей реальности Константин I, если судить по его собственным свидетельствам, имел видение пылающего креста только однажды, а именно 28 октября 312 г. в битве на Мильвийском мосту. Возможно,

— Они перевернули мир, — замечает епископ.

Я сжимаю зубы. Моя убежденность заполняет все вокруг.

— Так же переверну его и я.

Он мягко улыбается.

— Я в этом уверен.

Я смотрю на него, пораженный тем, как слеп я был доселе.

— Ты знал, что так будет.

Он качает головой.

— Нет. Я мог лишь надеяться. Но да, в том, чему ты научился, есть зерно правды. Я и сам не уверен, что постиг его. Иногда не *само* Божественное Откровение делает нас величайшими героями, но *жажда* такого Откровения.

На стеноэкране пылает неопалимый Траян. Я на миг задумываюсь, так ли случайно было его падение. Впрочем, неважно. Я наконец вспоминаю, где видел точно такой же шрам, как на своем виске.

Доселе деяния, совершенные мною во славу Господа, были проявлением мягкотелости и нерешительности. Сие недопустимо. Я вернусь в Царство Небесное. Я воздену десницу с мечом и не опущу его, пока не падет с плеч голова последнего неверного. Во славу Его я возведу горы трупов. Из рассеченных мною глоток потекут кровавые реки. Я не остановлюсь, пока не пройду до конца торный путь обратно к Нему.

Епископ склоняется надо мной и расстегивает ремни.

— В этих путях более нет нужды.

Они и так не сковывали меня. Я бы разорвал их, как бумажные, пожелай я того.

Аз есмь кулак Господень.

Уоттс опирается на ранние записи Евсевия Кесарийского, который сперва утверждал, что Константину являлся крест не только в Мильвийском сражении, но и задолго до этого, во время его походов по Галлии и Британии. Впоследствии Евсевий скорректировал свое мнение в пользу однократной манифестации креста (точнее, лабарума — походного штандарта римской армии с монограммой Иисуса Христа на древке), и уже в таком виде оно вошло в официальную биографию императора.